

Су Цинцзюэ, покинув гору Цзююэ, напрямик направилась к усадьбе Чжоу Ли. Персиковое дерево, что прежде пышно цвело во дворе, теперь превратилось в горстку рыхлой земли.

Места, где живут люди, из-за скопления людских обид и страстей не отличаются чистотой духовной энергии, поэтому существам там редко удается обрести облик демона. Если Шихуа смог стать единственным демоном в округе на несколько ли, значит, под землей что-то скрыто.

Су Цинцзюэ опустилась на корточки, уперлась правой ладонью в землю и, прибегнув к помощи духовной энергии, направила её вглубь. В тот же миг поток энергии наткнулся на барьер и с силой отпрянул назад, не сумев приблизиться ни на йоту.

Здесь определенно было что-то неладное. Взгляд Су Цинцзюэ стал суровым, она резко усилила напор энергии, уходящей под землю. В момент столкновения её силы с барьером почва под ногами содрогнулась.

К удивлению, мощь барьера оказалась пугающе велика. Сдвинув брови, она сосредоточила всю свою духовную энергию в правой руке и нанесла удар.

Дрожь земли усилилась, по поверхности поползли глубокие трещины, подняв в воздух облака пыли.

Су Цинцзюэ прищурилась, наполняя ладонь ещё более плотной энергией.

Внезапно барьер, вобрав в себя её же силу, контратаковал, обрушившись на неё всей мощью. Ощувив приступ тошноты и страха, она поспешно отвела руку и сложила печати, но было поздно: мощный поток энергии, подобно серебряному дракону, вонзился в её тело. Он прорывался сквозь преграды, сминая всё на своем пути, будто намереваясь превратить её внутренности в труху.

В одно мгновение кожа её покрылась разрывами, хлынула кровь. В глазах помутилось, и перед ней возник расплывчатый образ.

— Чистый снег сгущает сияние, Цинцзюэ не имеет равных. С одиннадцати лет будешь зваться Цинцзюэ.

— В мире мириады прекрасных пейзажей, тебе стоит взглянуть на них.

— Цинцзюэ, желаю тебе добиться того, о чем мечтаешь.

А-Цзю когда-то говорила, что человек лишь в момент смерти осознает, что для него важнее всего. Теперь, когда прошлое развеялось, словно дым, она поняла, что её стремления всегда были именно такими.

Су Цинцзюэ слегка приподняла руку, коснувшись пальцами знакомого лица.

— Стоп.

Чистый, звонкий голос прорезал пространство пустоты, возвращая блуждающий дух Су Цинцзюэ в реальность. В её полузакрытых глазах вновь вспыхнул свет. В этом свете отразилось странное лицо — то ли человека, то ли демона, но прежде чем она успела разглядеть его, чьи-то теплые ладони закрыли ей глаза, и сознание на миг погрузилось в пустоту.

Спустя мгновение руки исчезли. Она моргнула и увидела, что находится в уединенном крестьянском дворе.

Плетень вместо стены, бамбуковый домик, во дворе цветы, трава, камни, деревья, а ещё качели и большой виноградник.

Под карнизом маленькая девочка с двумя пучками волос на голове пыталась сдвинуть с места табурет. Табурет был квадратным и почти с неё ростом. Она тянула его за ножку, делая по паре шагов и останавливаясь, тяжело дыша. Со стороны это выглядело комично: кроха преодолевала путь, словно совершала великий поход через горы и реки.

Спустя время, равное сжиганию палочки благовоний, девочка наконец дотащила табурет до качелей.

Качели были сделаны искусно: со спинкой, перильцами и мягкой подушкой. В особенности красиво смотрелись обвивающие веревки побегов ландышей — их цветы, словно маленькие белые нефритовые колокольчики, изящно склонялись, являя миру свои нежно-желтые сердцевинки.

Девочка посмотрела вверх, затем вниз, подвинула табурет, снова посмотрела, и, решив, что теперь всё как надо, подпрыгнула, уцепилась руками за край табурета и, оттолкнувшись правой ногой, вскарабкалась на него.

Качели оказались прямо перед ней. На холодном личике девочки промелькнула улыбка.

Она рванулась вперед, прыгая на качели, но веревка, державшая их, внезапно лопнула. Девочка едва успела коснуться сиденья, как рухнула вниз, ударившись о табурет, который от толчка перевернулся и повалился вместе с ней на землю.

От падения девочка опешила. Спустя мгновение раздался низкий плач. Сначала он был прерывистым, неразборчивым, но вскоре стал громче, оглашая тишину послеполуденного селения.

Этот раздирающий душу крик действовал на нервы, выводя из оцепенения того, кто стоял за

плетнем. Су Цинцзюэ пришла в себя и только хотела шагнуть вперед, как из бамбукового дома вышла женщина.

Женщина была прекрасна, от неё исходило мягкое, благородное сияние, подобное весеннему ветерку. Однако в её миндалевидных глазах, подобных осенним водам, таилось нечто неясное — то ли нетерпение, то ли отвращение. От одного этого взгляда Су Цинцзюэ словно вернулась в детство.

Этот бамбуковый сад был её домом. Эти изысканные качели она выпросила у отца, увидев такие же у Сюй Пиншэна, что жил на восточном краю деревни. Отец не только сделал их, но и постарался, чтобы они вышли красивее, чем у соседа. Женщина, что неспешно вышла из дома, была матерью девочки — той самой, чей плач разрывал тишину.

Воспоминания были далеки, но тот взгляд, словно несмываемое клеймо, даже спустя столько лет оставался отчетливым.

Су Цинцзюэ смотрела на эту женщину из прошлого, чувствуя, как внутри всё переворачивается.

Её отец был единственным в деревне учителем и лекарем. По утрам он учил деревенских детей грамоте, а после обеда ходил лечить больных.

Мать же из-за болезненного младшего брата почти не выходила из дома, поэтому деревенские жители — да и она сама — видели её редко. В этот раз, вопреки обыкновению, мать спустилась с лестницы на крик дочери и принялась обрабатывать раны. Родной и одновременно чужой запах на мгновение заставил ребенка умолкнуть. Девочка тихо прошептала: матушка. В её глазах читалась такая робкая надежда, что у взрослой Су Цинцзюэ защемило сердце.

Женщина не ответила. Она долго и со сложным выражением лица смотрела на побледневшую девочку, а затем молча поднялась обратно вверх.

Девочка не понимала этого выражения, но радость от встречи с матерью заставила её забыть о домашних правилах.

Бамбуковый дом был двухэтажным, и верхний этаж был запретной зоной. Девочка, пошатываясь, последовала за матерью, протянув руку, чтобы ухватиться за край её одежды, но в тот же миг мир закружился, и в глазах потемнело.

Су Цинцзюэ бросилась вперед, пытаясь подхватить ребенка, но тело девочки прошло сквозь её ладони и покатилося по земле. Су Цинцзюэ помрачнела и опустила руки.

Всё происходящее здесь было давно погребено под пеплом времени, но сегодня, воскресив это вновь, она почувствовала прежнюю боль. Она отступила на шаг, с холодным спокойствием

наблюдая за собой в детстве, пока воспоминания постепенно не наслоились друг на друга.

После того случая девочка поняла, что мать её не любит. В дни, когда отца не было дома, она часто убегала с деревенскими детьми к реке ловить рыбу или в горы охотиться на фазанов, не давая деревне покоя.

Возвращаясь домой, она часто заглядывала к Пиншэну. Ей нравилось наблюдать, как тетушка Сюй с половником в руках гоняется за сыном по всему двору, а тот голосит на всю округу, моля о пощаде. Эта шумная суета всегда приносила радость.

Странное дело: Сюй Пиншэн завидовал ей, что у неё такой добрый и спокойный отец, а она завидовала ему, что у него такие шумные и живые родители. Одно время им обоим хотелось поменяться местами.

Вскоре у Сюй Пиншэна родился младший брат. У девочки тоже был брат, но она его никогда не видела. Она любила играть с Пиншэном, а его родители всегда были добры к ней. Следуя заветам отца о взаимности, она завернула в платок немного фруктов и отправилась к ним в гости.

Девочка думала, что брат Пиншэна будет похож на него, но кто бы мог подумать, что он такой сморщенный и крошечный, словно хурма, прихваченная зимним морозом.

В семье Пиншэна все были очень рады прибавлению, и девочка тоже радовалась, ведь Пиншэн дал ей два красных яйца. Он сказал, что это праздничные яйца — съешь их, и будешь здоровой и счастливой.

Она принесла яйца домой. Отца не было, в доме стояла холодная тишина. Она вошла в комнату, взобралась на табурет и положила яйца в чайную чашку.

— А-Юй.

Позади раздался незнакомый голос. Девочка обернулась и увидела, что в дверях стоит мать, а рядом с ней — ребенок с лицом, которое казалось ещё более милым, чем у Пиншэна.

— А-Юй, иди сюда, — снова позвала мать.

Значит, это и есть её младший брат? Девочка долго смотрела на него, прежде чем подойти, подгоняемая нетерпеливым голосом матери.

— А-Юй, это твой младший брат.

Девочка стояла перед ним, она была намного выше. Её брат действительно выглядел куда

симпатичнее, чем у Пиншэна, завтра она обязательно ему об этом расскажет.

— А-Юй, сегодня тебе исполняется пять лет. Это подарок на день рождения, тебе нравится?

Мать присела на корточки и раскрыла ладонь. На ней лежал круглый червонно-золотой колокольчик, инкрустированный разноцветными камнями. Девочка никогда не видела ничего подобного. Посмотрев на колокольчик, она перевела взгляд на мать.

Женщина слегка улыбнулась:

— А-Юй не хочет потрогать? Или тебе не нравится?

Девочке, конечно, нравилось, но необъяснимый страх сковывал её.

Мать мягко произнесла:

— Это подарок от младшего брата. Неужели А-Юй не рада?

Девочка снова посмотрела на молчаливого брата и наконец спросила:

— Можно мне с ним поиграть?

Улыбка матери стала шире:

— Отныне он будет играть с тобой, хорошо?

Девочка радостно кивнула и протянула руки за колокольчиком размером с ладонь. Но как только подарок оказался у неё в руках, мать внезапно замерла:

— А-Юй, назови меня матушкой. Хорошо?

Девочка, чьи мысли были заняты лишь братом, послушно отозвалась. Но мать вдруг изменилась в лице, слегка наклонила руку, колокольчик упал в ладони девочки, и та, не успев даже как следует его рассмотреть, внезапно провалилась в темноту и потеряла сознание.

Су Цинцзюэ моргнула, сдерживая резь в глазах.

Детские воспоминания, которые она намеренно пыталась стереть, почти стерлись. Помнила она лишь самые важные события и людей, но всё это меркло перед занозой, которую в её сердце загнали самые близкие. Все эти воспоминания были лишь питательной средой для той

занозы: чем нежнее были моменты, тем сильнее потом становилась ненависть.

Су Цинцзюэ не забыла то отчаяние, которое охватило её, когда она очнулась в одиночестве, без возможности вернуться в родные края. Долгие годы она заставляла себя забыть всё, и даже та жгучая ненависть со временем притупилась.

Тринадцать лет в бесконечно темном подземном дворце, среди существ, что были похожи на людей лишь отчасти, с молчаливым учителем и единственным огоньком надежды в глубине души — так она пережила те смутные времена.

Теперь же прошлое пронеслось мимо, и она, затерянная в нем, не знала, куда ей возвращаться.

<http://bllate.org/book/22455/2361146>